
КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА

«КРАСНОЕ КОЛЕСО» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ*

С.А. Нижников

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются философско-социальные и литературные особенности творчества А.И. Солженицына. За основу взяты его публицистика и главное произведение жизни — «Красное колесо». Показана критика им просветительского рационализма, поверхностного гуманизма и бездуховности технократической цивилизации. Вскрыта полемика с идейными основами творчества Л. Толстого и отношение к Ф.М. Достоевскому. Рассмотрена символика «Красного колеса», через призму которой писатель анализирует события начала и конца XX в.

Ключевые слова: гуманизм, демократия, идеология, интеллигенция, макиавеллизм, насилие, ненасилие, прогресс, символика.

Как известно, русская философия чрезвычайно тесно связана как с литературой (пример Гоголя, Достоевского, Толстого и др.), если не вытекает во многом из нее, так и с духовной традицией — православием. Продолжилась эта тенденция и во второй половине XX в. в творчестве знаменитого писателя и общественного деятеля Александра Исаевича Солженицына (1918—2008) и выдающегося православного мыслителя, преподавателя Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже и декана Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке протоиерея Александра Шмемана (1921—1983).

И Александр Солженицын (создав за рубежом многие тома своих произведений, написав множество статей в иностранной прессе и дав большое количество интервью), и Александр Шмеман являются продолжателями традиций как великой русской литературы, так и метафизического направления русской философии первой половины XX в. Так, одним из учителей А. Шмемана был о. Сергей Булгаков, а знаком он был почти со всеми еще жившими тогда корифеями русской религиозно-философской мысли. Солженицын в своей политической философии

* Рец. проф. О.И. Федотов (МИОО), проф. У.М. Бахтикиреева (РУДН).

отталкивался от сборника «Вехи» и «Из глубины», сконцентрировавших в себе идеи самых видных русских философов первой трети XX в. По мнению Н. Струве, лично прекрасно знавшего обоих, «встреча, взаимное общение “на глубине” между великим писателем и выдающимся священником и церковным мыслителем останутся навсегда в анналах русской культуры как знаменательное и редчайшее явление» [4. С. 53].

Оценивая творчество писателя, А. Шмеман называет его явлением новым, коренным образом меняющим сам воздух русской литературы, с чего начинается ее новый период, так как Солженицын «не принадлежит к представителям или эпигонам Серебряного века». Принадлежа советской реальности, он вместе с тем и полностью *от* нее и даже *в* ней *свободен*, он является «первым национальным писателем советского периода русской литературы», «великим *русским* писателем» [8. С. 192]. «Его сокровище, — продолжает Шмеман, — Россия и *только* Россия...». Роль Солженицына — «восстановить правду о России, раскрыть ее самой России и тем самым вернуть Россию на ее изначальный путь. Отсюда напряженная борьба с двумя кровными врагами России — марксизмом (квинтэссенция Запада) и „образованщиной“» (1) (12.05.75). Солженицын — «Носитель — не культуры, не учения. Нет. *Самой* России» (30.05.74).

Перу Шмемана принадлежит одна из лучших статей, посвященных творчеству писателя — *Зрячая любовь*, впервые опубликованная в Вестнике РСХД (№ 100) в Париже. *Август 1914* Шмеман называет «плачем по России», «прорывом в какую-то глубину», к истине. Это «новый праздник русской литературы, новое торжество России. Что в такое время есть у России такой писатель...» [8. С. 772—773]. Солженицына он называет «русской совестью» [8. С. 774]. «Такими, — продолжает он, — наверное, были пророки. Это отметание всего второстепенного, сосредоточенность на главном. Но не «отвлеченная», не «идейная», а жизненная... Живя с ним... чувствуешь себя маленьким, скованным благополучием, ненужными заботами и интересами. Рядом с тобою — человек, принявший все бремя служения, целиком отдавший себя, ничем не пользующийся для себя. Это поразительно... Его вера — горами двигает!» (30.05.1974).

Шмеман не мог принять ни «правых», ни «левых», осознавал «нарастающий крах западного мира». Первородный грех демократии он видел в ее «органической связи с капитализмом», в том, что последний саму свободу превращает в «свободу наживы»: «Порочный круг западного мира. Демократия без “нравственного этажа”». С точки зрения Шмемана, и в этом он солидаризируется с Солженицыным, «разваливают демократии, в сущности, не идеологии, а *экономика* индустриализации, непрерывного роста и соответствующее перерождение общества» (4.03.74). Проблема современного мира состоит в том, что «нет, до ужаса нет — “третьей идеи”» (7.10.74). Шмеман признает правду Солженицына, его рецептов раскаяния и самоограничения, но тут же поясняет, что «это требует духовной революции, для которой в теперешнем человеческом сознании нет решительно никаких предпосылок... Мы живем в шизофрении...» (18.11.74), в эпоху «бунтующих рабов, сменившую эпоху высокого “послушания” свободных людей» (29.04.75).

То, что гуманизм северо-атлантической цивилизации вырождается в свою противоположность, А. Солженицын высказал в своей *Речи в Гарварде на ассамблее выпускников университета*: ради прекраснотушных идей начинают приноситься в жертву люди и целые народы: ранее — в виде сталинизма и фашизма, сейчас — в виде распространения «демократии» госдепартаментом США при помощи бомбардировок. Еще до последних событий в Югославии и Ираке (а теперь уже и Ливии) Солженицын отмечал, что «демократии умеют действовать фашистскими методами» [2. Т. 7. С. 192]. Одним словом, прогресс требует жертв, и все больших и больших.

В *Речи в Международной Академии Философии* (Лихтенштейн, 14 сентября 1993) Солженицын специально останавливается на критике идеи техноцентрического прогресса, выдвигая следующие аргументы: «не может происходить безграничный Прогресс в ограниченной земной среде»; «нравы наши не смягчились с прогрессом, как было обещано. Не приняли в расчет только-то и всего — человеческую душу». Далее идут «неограниченные потребности», «безграничное накопление собственности», «океан поверхностной информации и низкопробных зрелищ», «все ниже духовное и культурное развитие». В результате: «мы — перестали видеть *Цель*» [2. Т. 8. С. 99—100]. Прогресс без моральной цели для писателя — величайшее рационалистическое заблуждение [2. Т. 8. С. 374].

«История, — утверждает Солженицын устами Варсонофьева в *Красном колесе*, — *иррациональна*». Но не в том смысле, что бессмысленна, а до конца непостижима для нашего разума: «У нее своя органическая, а для нас может быть непостижимая ткань». И далее: «История растет как дерево живое. И разум для нее топор, разумом вы ее не вырастите. Или, если хотите, история — река, у нее свои законы течений, поворотов, завихрений. Но приходят умники и говорят, что она загнивающий пруд, и надо перепустить ее в другую, лучшую яму... Связь поколений, учреждений, традиций, обычаев — это и есть связь струи» [1. С. 406]. В одном из своих интервью он поясняет: «История иррациональна для нас, мы ее по-настоящему понять не можем. Но что безусловно мы признаем: что жизнь — органична и должна развиваться так, как растет дерево, как течет река. А всякий перерыв ее — болезнен, неестественен. Революция и есть такой перерыв» [2. Т. 8. С. 474].

Следующие идеи, подвергшиеся критике в творчестве писателя, это *просветительский рационализм* западного гуманизма и его *секулярный антропоцентризм* — «догматы идолопоклонства перед человеком и человечеством», когда «религия заменена верой в научный прогресс» [2. Т. 7. С. 102]. Эта *гуманистическая автономность* и приводит западный мир, а за ним и другие страны, к духовному кризису, являющемуся основанием и кризиса всех сторон общественной жизни. Из односторонности Средних веков мир бросился в другую крайность — бездуховную вседозволенность и распушенность. Особенно писатель раскритиковал западную прессу, обвиняя ее в безответственности, отсутствии самокритики и нетерпимости к критике [2. Т. 7. С. 490—491].

Материализация именно этого гуманизма оправдывала как социализм, так затем и коммунистическую идеологию. А. Солженицын цитирует Маркса 1844 г.: «коммунизм есть натурализованный гуманизм» [2. Т. 7. С. 252]. Именно «развитие

материалистического взгляда на мир, которое бурно пошло с XVIII века, — по мнению Солженицына, — ...и породило такое племя — людей, одержимых идеями, для воплощения которых годятся, по их мнению, любые самые жестокие средства» [2. Т. 7. С. 481].

Писатель, отталкиваясь от исследований отечественных мыслителей, глубже, чем Анна Харендт, обнаруживает истоки тоталитаризма: «происхождение тоталитаризма отнюдь не из авторитарных систем, существовавших веками и никогда не дававших тоталитаризма, но — из кризиса демократии, из краха безрелигиозного гуманизма» [2. Т. 7. С. 173]. Этот гуманизм, «утерявший христианское наследие», возмнивший, что «правды нет и выше», мерою всех вещей сделавший несовершенного человека ведет мир вначале к бездуховности, а затем и как следствие — к катастрофе [2. Т. 7. С. 252—253]. Технический прогресс для писателя «не есть прогресс человечества как таковой», так как он осуществляется одновременно с «выветриванием обязанностей и расширением прав», «моральным выветриванием ценностей» [2. Т. 7. С. 492—493]. Но истинный гуманизм не может быть без духовных ценностей.

Уже в эпоху СССР он указал, что «Западный мир потерял общественное мужество» [2. Т. 7. С. 239], что дееспособность и моральный авторитет ООН падает. Он подверг критике одновременно как правовой нигилизм на востоке, так и бездушный юридизм («юридический эгоизм») западных обществ, торжествующую в них «свободу безответственности», особенно журналистской, зачастую приводящий к разгулу зла. Он делает вывод, что «безудержная свобода существует для самой прессы, но не для читателей» [2. Т. 7. С. 245]. Формально цензуры вроде бы нет, но на деле «осуществляется придирчивый отбор мыслей» в «угоду массовым стандартам»; «Так создаются сильные массовые предубеждения, слепота, опасная в наш динамичный век» [Там же]. «Поверхностность и поспешность — психическая болезнь XX века» [2. Т. 7. С. 244], но мы видим, что эта болезнь только углубляется в веке XXI-м.

Проанализировав состояние западного общества, Солженицын в 1978 г. сделал вывод, что «Для того богатого душевного развития, которое уже выстрадано нашею страной в этом веке, — западная система в ее нынешнем, духовно-истощенном виде не представляется заманчивой» [2. Т. 7. С. 246—247]. Солженицын мыслит эсхатологически, предсказывая наступающую «космическую борьбу» за планету, в то время как политики успокаивают себя политкорректностью и заведомо признают политику вне морали (Джордж Кеннан, например).

Отвечая на вопрос о том, что его сравнивают с Достоевским и Толстым, Солженицын ответил: «я испытываю очень большое и уважение и родство с обоими, хотя в разном. К Толстому я ближе по форме повествования, по форме подачи материала, по множеству лиц, реальных обстоятельств. А к Достоевскому я ближе по старанию понять духовную, человеческую сторону процесса истории. Но оба они для меня учителя, конечно, оба». Добавим, однако, что в идейном отношении Солженицын был критиком Толстого, а в Достоевском ценил остроту, глубину, современность и провидчество [2. Т. 7. С. 226]. Но это не помешало ему ценить Тол-

стого как великого писателя, повлиявшего на его творчество. В своих интервью он признается, что замысел *Красного колеса* был связан именно с прочтением Толстого: «Влияние (*Войны и мира* — С.Н.) было в том, что я, уже в восемнадцать лет, задумал свои Узлы» (2). Солженицын вспоминает, что, прочитав впервые роман в десятилетнем возрасте «...личных линий совсем не понял, но совершенно был захвачен этой композицией и историческими сценами» [2. Т. 7. С. 226].

Видимо, отталкиваясь от откровений о человеке Достоевского, Солженицын пишет о поверхностности гуманистического сознания, не признающего в человеке внутреннего зла и сводящего все его мечты к земному благополучию, материальным потребностям. И именно это сознание лежит в основе современной западной цивилизации, навязывающей парадигму развития, свою глобализацию, как мы бы сейчас выразились, всему остальному миру [2. Т. 7. С. 251].

А.С. Солженицын подвергает критике как макиавеллизм — этот зрелый продукт возрожденческого гуманизма — так и наивно-просветительское непротивленчество, расцветшее в позднем творчестве Л. Толстого. В основе последнего — упрощенное представление о человеке: антропоцентрическо-просветительно-рационалистическое. Во многих местах *Красного колеса* он подвергает критике эту позицию (3). Уже в первом томе Солженицын описывает встречу одного из его персонажей, Саши Лаженицына, увлеченного толстовством, с самим писателем (4). Между ними состоялся примечательный разговор (5). На вопросы Саши Толстой ответил христоматийными истинами — необходимо служить добру и любви ради установления Царства Божия на земле. Но Саша, хотя человек и молодой, но уже сомневается в действенности такой прямолинейности и максимализма:

«Лев Николаевич, — продолжает вопрошать он, — а вы уверены, что вы не преувеличиваете силу любви, заложенную в человеке? Или, во всяком случае, оставшуюся в современном человеке? А что, если любовь не так сильна, не так обязательна во всех, и не возьмет верха — ведь тогда ваше учение окажется... без.., — не мог договорить. — ...Очень-очень преждевременным? А не надо ли было бы предусмотреть какую-то промежуточную ступень, с каким-то меньшим требованием — и сперва на нем пробудить людей к всеобщему доброжелательству? А потом уже — на любви?».

Но Толстой неумолим:

«— Только любовью! Только. Никто не придумает ничего верней».

Ну конечно, разве это можно оспорить, что любовь — вершина добродетелей и в ней все пророки и вся вера! Однако как ее понимать и как утверждать, каким способом? (6) Лев Толстой предлагает пацифизм, то есть любовь через отказ от сопротивления злу силой. А чем же тогда противостоять злу? Или оно само собой рассосется? Толстой по просветительски наивно верил в добрую природу человека, идеализировал ее: стоит перестать сопротивляться, стоит только призвать всех к добру, и оно сразу же воцарится. Уже И.А. Ильин показал пагубность и аморализм данной идеи, продолжает ее изобличать и Солженицын: «сколько мужских характеров этот Толстой перепортил» [1. Т. 1. С. 15], — говорит он языком Вари

Матвеевой. И у его персонажа, Саши, поэтому также продолжают возникать вопросы:

«— Что до меня — я так и хочу, через любовь! Я так — и буду. Я так и постараюсь жить — для добра. Но вот еще, Лев Николаевич! Само-то добро! как его понять? Вы пишете, что разумное и нравственное всегда совпадают...

Приостановился пророк, мол — да. И острием палки чуть посверливал в твердой земле.

— Вы пишете, что добро и разум — это одно, или от одного? А зло — не от злой природы, не от природы такие люди, а только от незнания? Но, Лев Николаевич, — духа лишился Саня от своей дерзости, но и своими же глазами он кое-что повидал, — никак! Вот уж никак! Зло — и не хочет истины знать. И клыками ее рвет! Большинство злых людей как раз лучше всех и понимают. А — делают. И — что же с ними?..»

Но Толстому все нипочем:

«— Значит плохо, недоступно, неумело объясняют. Терпеливо надо объяснять. И — поймут. Все рождены — с разумом.

И, расстроенный, пошагал с палочкой.

А Саня — стоял...» [1. Т. 1. С. 23—24].

Так и не смог он открыть у великого писателя кратчайшего пути: как ему служить Царству Божьему на земле. И не смог он отсиживаться в глубинке, не мог не отозваться на войну добровольцем.

Именно в бездеятельности и нерешительности Николая II обнаруживает Солженицын главный порок русского трона. Из побуждений «чистого любящего сердца» император бросил армию, Ставку, пост Верховного, а затем и саму Россию — он избрал «путь непротivления», отдав трон без боя [2. Т. 7. С. 400—404]: «династия покинула престол, даже не попытавшись бороться за Россию» [2. Т. 7. С. 414]. Поэтому «он отвечает за происшедшую революцию больше всех... Слабый царь, он предал нас. Всех нас — на все последующее» [2. Т. 7. С. 406].

Помимо непротivленчества, не приемлет Солженицын у Толстого и его понимание роли личности в истории. Его анализ исторических событий убеждает в другом, и он хочет «держаться к историкам ближе, а от романистов подальше» [1; 1. С. 40]. Осознав весь бардак и бездарность генералитета русской армии, он сделал вывод, противоположный автору *Войны и мира*: «И тут бы утешиться нам толстовским убеждением, что не генералы ведут войска, не капитаны ведут корабли и роты, не президенты и лидеры правят государствами и партиями, — да слишком много раз показал нам XX век, что именно они» [1. Т. 1. С. 379].

Критикует Солженицын и еще одну идею Толстого — вегетарианство. Как отмечает Ричард Темпест, «толстовская практика вегетарианства в отношении Сани с семьей „привела ко лжи“, т.е. именно ко злу, как определяет его Толстой. Дело в том, что, опасаясь насмешек и осуждения со стороны семьи и станичных, Саня говорит семье, что не ест мяса, следуя «открытию одного немца». Ложь эта распространяется даже на самого себя, она имеет измерение физиологическое: «А на самом деле, накидаввшись снопами, тело до дрожи требовало мяса, и еще самого себя надо было обманывать...» [5. С. 402].

Если в войне и мире Толстой выступает как пророк и провидец, мудрец, которому открылись тайны истории, то Солженицын отказывается от этого всеведения, — он полифоничен [3. С. 423], в его текстах мы даже можем обнаружить постмодернистскую «смерть автора». И вместе с тем автор присутствует в каждом слове голосами своих героев. Но нет у него героя определенного и только одного.

Как и Достоевский, А.И. Солженицын выступил бескомпромиссным критиком всякого революционного насилия: «Революция — огромное космическое Колесо, подобное галактике, закрученной спиральной галактике. Огромное Колесо, которое начинает разворачиваться, — и все люди, включая и тех, которые начинали его крутить, становятся песчинками. Они там и гибнут во множестве. Это грандиозный процесс, его невозможно остановить, если он уже начался» [2. Т. 8. С. 474]. Символ красного колеса примечателен в творчестве А.И. Солженицына, он же проходит основной идеей одноименной эпопеи. Уже в первом ее томе мы находим этот символ, определяющий Первую мировую войну [1. Т. 1. С. 207]. И именно его стремились оседлать большевики, перенеся его движение в Россию: «Крутится тяжелое разгонистое колесо — как красное колесо паровоза, — и надо не потерять его могучего кручения»; *«не останавливать войну — но разгонять ее! Но — переносить ее! — в свою собственную страну!»*; «превращать его тотчас в гражданскую войну и притом беспощадную» [1. Т. 1. С. 224—225].

Этот маховик насилия с наибольшей силой передан в символе горящей ветряной мельницы, которую наблюдал из фронтового окопа главный герой произведения — Воротынец:

«Горит ветряная мельница!

Мельница занялась!

...мельница пылает! Не разрушена снарядом, а целно схвачена огнем...

И почему-то крылья — от струй ли горячего воздуха? — еще не развалились, начинают медленно,

Медленно,

Медленно кружиться! Без ветра, что за чудо?

Станным обращением движется красно-золотистые радиусы из одних ребер — Как катится по воздуху огненное колесо.

И — разваливается,

разваливается на куски,

на огненные обломки» [1. Т. 1. С. 260].

Там разваливался довоенный мир, вера в прогресс и гуманизм. Так разваливалась Россия.

И вот еще один «экран», как назвал эти вставки писатель:

«Раскатился зарядный ящик — люди прыгают прочь.

Чистая стала дорога от людей,

только набросанное топчут лошади,

перепрыгивают, переваливаются колеса...

И лазаретная линейка — во весь дух!

и вдруг — колесо от нее отскочило! Отскочило на ходу — и само! обгоняя! покатило вперед!

колесо!! все больше почему-то делается,

Оно все больше!!

Оно во весь экран!!!
КОЛЕСО! — катится, озаренное пожаром!
самостийное!
неудержимое!
все давящее!» [1. Т. 1. С. 318].

В одном из своих интервью Солженицын указывает также на то, как интеллигентский пацифизм привел к массовому террору в России, и как это происходит зачастую до сих пор:

«Не вся интеллигенция российская была захвачена идеей насилия, нет. Только самое крайнее левое крыло революционеров. Но характерно, что либеральная интеллигенция российская никогда не осмеливалась осудить террор. Основатель кадетской партии Петрункевич сказал: «Осудить террор было бы моральным самоубийством нашей партии». И это одна из черт, которая повторяется в Европе XX в. Об интеллигенции XX в., европейской или американской, не скажешь, что она заражена идеей насилия или террора, нет. Но она не смеет послать проклятье. Она не смеет остановить, сказать: „Стойте! Не делайте такого!“ И вот это поощряет террор. Повторяется та же ситуация: какая-то малая кучка насильников нападает, а образованные, умные люди не смеют этого остановить и больше всего боятся упрека с левой стороны. Чтобы только тебя не обругали слева!» [2. Т. 8. С. 473].

И в десятом томе, на последней странице основного изложения *Красного колеса* читаем: «А вот уже: прославленная Тройка наша — скатилась, пьяная, в яр — и уткнулась оглоблями в глину» [1. Т. 10. С. 554].

Красное колесо не завершило свой бег гражданской войной, оно продолжилось в репрессиях: «мы жили под страшным, хотя и не всем видимым, колесом. Колесо это — как раз я учился с 36-го по 41-й год, то есть и 37-й, 38-й год, — прошло тогда неумолимо через Ростов... на улицах Ростова лежали мертвые крестьяне... Через нас катило это невидимое колесо» [2. Т. 8. С. 238]. Оценивая 90-е гг., писатель символически определил их как *Желтое колесо*: «Так, лишь через полвека я добрался до истинной сути и психологии деятелей 1917 г. — и написал эпопею „Красное колесо“. Я думаю: пройдет время — и другой русский писатель, хорошо ознакомься со всеми тайнами десятилетия 1985—1995, напишет о нем другую эпопею — „Желтое Колесо“» [2. Т. 8. С. 281].

СССР, как и Российская империя начала прошлого века, рухнул не столько по экономическим или политическим, а, прежде всего, по идеологическим причинам. И тогда, в начале прошлого века, и в конце его произошла, прежде всего, идеологическая катастрофа, за которой последовали и все остальные. Мы оказались идеологически несостоятельны. Именно интеллигенция, общественные мыслители и философы должны выполнять в социуме разработку идеологических концептов. То, что описывает А. Солженицын в *Красном колесе*, характерно для начала XX в., однако то же мы наблюдаем и в конце XX — начале XXI-го. Американский исследователь Ричард Темпест отмечает, что «Очень любивший Россию писатель призывает и своих читателей любить ее... А в двадцатом веке России будет очень нужна любовь» [6. С. 290]. Без любви же все тщетно. Именно она в соединении со знанием может спасти Россию от повторения старых ошибок на новом этапе развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Здесь и далее ссылки на *Дневники* Шмемана приводятся в тексте в скобках, где указывается дата записи (*Шмеман А. Дневники. — М.: Русский путь, 2007*).
- (2) Из интервью Хилтону Крамеру в 1980 г. На этот факт указывает и А. Шмеман: «„толстовство“ Солженицыну ближе, чем Достоевский с его метафизикой» (*Шмеман А. Дневники. 1973—1983. — М., 2007. — С. 191*). «Имя Толстого не случайно, конечно, проходит через весь роман, — пишет в другом месте о Шмеман по поводу романа *Август 1914*, — да и почти начинается он с появления яснополянского пророка. Имя Достоевского не названо, правда, ни разу, однако не менее явственно присутствие и действие в романе и тех умонастроений, и той „тональности“, которые, правильно или неправильно, оказались связанными в русском сознании с пророком Пушкинской речи и “Дневника писателя”» (*Шмеман А. Зрячая любовь // Собрание статей. 1947—1983. — М., 2009. — С. 774*).
- (3) Как отмечает Ричард Темпест (США), «Толстой тайно и явно присутствует в тексте “Красного Колеса” буквально с первых страниц и даже первых абзацев. Причем, когда речь в эпопее заходит о его взглядах на церковь, историю, военное дело, повествование неизменно обретает полемический или иронический тон. Солженицын оспаривает Толстого на всем протяжении эпопеи» (*Р. Темпест. Толстой и Солженицын в Ясной Поляне // Между двумя юбилеями (1998—2003). — М., 2005. — С. 402*).
- (4) Отвечая на вопросы «прямой линии» в «Комсомольской правде» 15 апреля 1996 г., А.И. Солженицын говорит, что никогда не был толстовцем, но вот отец писателя после гимназии добрался до Ясной Поляны и там пять минут говорил с Толстым (*Солженицын А.И. Собр. соч.: В 9 т. — Т. 8. — М., 2001. — С. 374*). В другом своем интервью он поясняет: «Между прочим, мой отец после гимназии действительно ездил к Толстому, так что этот визит у меня не придуман. Но поскольку я отца своего никогда не видел, то и о чем он говорил с Толстым — не знаю. Я весь разговор пытаюсь воссоздать, своему отцу вкладываю свое мнение» (*Солженицын А.И. Интервью с Бернаром Рондо... (1 ноября 1983) // Собр. соч.: В 9 т. — Т. 7. — М., 2005. — С. 368*).
- (5) От 2 августа 1910 г. в дневнике Толстой оставил следующую запись: «Ходил утром много» (*Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. — Т. 20. — М., 1965. — С. 417*). На то, что Саня был в Ясной Поляне в «один из первых дней» августа, отмечается у Солженицына (*Солженицын А.И. Красное колесо. В 10 т. — Т. 1. — М., 1993. — С. 21*). На эти совпадения обратил внимание Р. Темпест (*Р. Темпест. Толстой и Солженицын в Ясной Поляне // Между двумя юбилеями... — М., 2005. — С. 394*).
- (6) «Что любовь все спасет — это христианская точка зрения, и абсолютно правильная. — Поясняет Солженицын в другом месте. — И Толстой говорит в соответствии с нею. Но возражение мое состоит в том, что в наш двадцатый век мы провалились в такие глубины бытия, в такие бездны, что дать это условие: «любовь все спасет» — это значит: вот так сразу прыгай аж туда, сразу поднимись на весь уровень. Мне кажется, что это практически невозможно. Я думаю, что надо дать промежуточные ступеньки, по которым можно как-то дойти до высоты. Сегодняшнему человечеству сказать: «любите друг друга» — ничего не выйдет, не полюбят. Не спасут любовью. Надо обратиться с какими-то промежуточными, более умеренными призывами. Один из таких призывов Саня Лаженицын высказывает: хотя бы не действовать против справедливости. Вот как ты понимаешь справедливость, хотя бы ее не нарушай. Не то что — люби каждого, но хотя бы не делай другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе. Не делай такого, что нарушает твою совесть. Это уже будет ступенька на пути к любви. А сразу мы прыгнуть не можем. Мы слишком упали» (*Солженицын А.И. Интервью с Бернаром Рондо... // Собр. соч.: В 9 т. — Т. 7. — М., 2005. — С. 368—369*).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Солженицын А.И.* Красное колесо. В 10 т. — М.: Русский путь, 1993—2005.
- [2] *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 9 т. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2001.
- [3] *Стиваковский П.* Полифоническая картина мира // Между двумя юбилеями (1998—2003): писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. — М.: Русский путь, 2005.
- [4] *Струве Н.* «Встреча»: отец Александр Шмеман и А.И. Солженицын // Вестник русского христианского движения. — № 1 (195). — 2009. — Париж—Нью-Йорк—Москва, 2009. — С. 53.
- [5] *Темпест Р.* Толстой и Солженицын в Ясной Поляне // Между двумя юбилеями (1998—2003): писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. — М., 2005. — С. 402 (Цит. из: *Солженицын А.И.* Красное колесо. — Т. 1. — С. 10).
- [6] *Темпест Р.* Солженицын — писатель XXI века // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сборник памяти: 1918—2008. — М.: Русский путь, 2009.
- [7] *Шмеман А.*, прот. Дневники. 1973—1983. — 2-е изд., испр. — М.: Русский путь, 2007.
- [8] *Шмеман А.*, прот. Собрание статей. 1947—1983. — М.: Русский путь, 2009.

«THE RED WHEEL» BY A.I. SOLZHENITSYN IN THE CONTEXT OF MODERNITY

S.A. Nizhnikov

The Department of the History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Studies
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes A.I. Solzhenitsyn's philosophical, social and literary features. As the basis there are taken his political essays and the main work of life — “The Red Wheel”. In it, he shows his critics of enlightenment rationalism, superficial humanism and spiritual impoverishment of a technocratic civilization. It reveals his dispute with the basic thoughts of Lev Tolstoy's art and attitude towards F. Dostoevsky. It considers the symbolism of “The Red Wheel” through the prism of which the writer analyzes the events of both — the beginning and the end of the XX century.

Key words: humanism, democracy, ideology, progress, machiavellism, violence, nonviolence, intelligencia, symbolism.